

*Течение жизни пронесит мимо нас золотые моменты,
а мы видим только песок; ангелы навещают нас,
а мы узнаем их, только когда они ушли.
Джордж Элиот. «Исповедь Дженет»*

*Спокойно спи под грохот канонады!¹
Эрих Мария Ремарк.
«На Западном фронте без перемен»*

Весна 1946 года

Сон мертвых

Слушайте.

Когда Фрэнки взяли в приют в первый раз, она не говорила по-английски, только по-итальянски, и повторяла снова и снова: “Voglio mio padre! Voglio mio padre!”²

По крайней мере, монахини рассказывали, что она это твердила. Сама она ничего не помнила.

Когда ее взяли в приют во второй и последний раз, она вообще ничего не говорила. Ни слова. Много месяцев.

Этого она тоже не помнила.

Помнила она вот что: обувную лавку отца на Ирвинг-Парк-роуд, запахи кожи и лака, тесную квартирку за лавкой, металлическую ванну посреди кухни и холодную воду, от которой сморщиваются пальчики ног, а еще грубую терку тети Марион на своей спине.

А потом выстрел из спальни родителей — такой внезапный, громкий и неправильный. Топот ног тети Марион, выбежавшей из кухни. Крики. Так много криков...

---

¹ Пер. Ю. Афонькина.

² Позовите моего папу! (*итал.*)

Фрэнки помнила, как выбирается из ванны, падает на пол, ударившись локтем так сильно, что кости гудят до самого черепа. Ползет с горячими слезами на лице, толкает дверь спальни и видит на кровати безвольное тело. Пахнет дымом и медью. Она переходит через порог из одного мира в другой.

Лучше всего она помнила саму дверь. Тронутые ржавчиной петли, трещины и щели, карандашный запах древесины, а потом просочившиеся в него все остальные запахи: кожи, чеснока, соли, крови. Помнила, как тетя Марион повернулась, подняла ее и захлопнула дверь.

Фрэнки нечасто позволяла себе вспоминать те события. Обычно она вообще о них не думала. И все же у нее бывали тихие дни, дни печали, когда она рылась в памяти, пытаясь найти на самом дне правду. Словно правда — драгоценность, которую можно добыть из-под земли и подержать в руках, или словно правда — просто предмет, который можно найти под камнем, серый, безликий, прячущийся от света.

Но в эту весеннюю ночь 1946 года Фрэнки нигде не рылась, если не считать помойного ведра, в котором искала полученный на чай десятицентовик, нечаянно выброшенный вместе с недоеденным сэндвичем посетителя. После двойной смены она пришла домой в полночь и рухнула на кровать прямо в одежде, даже не сняв перепачканного горчицей, воняющего луком фартука. И хотя в проникавшем через оконные щели воздухе сквозило сладкое обещание весны, все войны Фрэнки закончились и ей следовало чувствовать себя в безопасности (наконец за долгое время), она проснулась через пару часов, в поту и лихорадке, на скомканных простынях, уверенная, будто мать что-то шептала ей на ухо.

Она села, схватившись за горло.

— Мама!

Лора Руби

Но в комнате оказалось тихо и неподвижно. Луна прорезала темноту широкой серебристой полосой. Мамы здесь не было, да и не могло быть. Это невозможно. Теперь Фрэнки это вспомнила, хотя и не хотела вспоминать.

Тогда она позвала опять. Не маму, а кого-то другого, кого однажды видела лишь мельком. Другого человека, о котором не позволяла себе думать.

— Привет! Это... ты?

Ответа не последовало.

Фрэнки мрачно улыбнулась собственной глупости и протерла глаза, чтобы не щипали. Лунный свет прекрасно освещал всю комнату, хотя смотреть тут было особо не на что. Стул с одеждой на спинке; комод с электроплитой, стоящей сверху, и лежащей там же пыльной трубой; две одинаковые кровати и тумбочка между ними, а на ней — пепельница с морской раковинной, размером и формой напоминающей ухо ребенка. На другой кровати, не шевелясь, спала Тони, младшая сестра Фрэнки. Тони не слышала, как пришла Фрэнки, и не слышала ее возглас, что неудивительно. Монахини говорили, что они с Тони спят сном мертвых. Когда-то Фрэнки считала, что только люди с чистым сердцем могут спать так крепко, но те времена давно прошли.

Ветер снаружи усилился, засвистев в щелях окна, и Фрэнки вскочила с кровати. Сняла фартук и униформу. Нельзя быть такой глупой и неразумной! Разве у нее нет шестнадцати с лишним долларов, чтобы добавить их в пачку под матрасом? Разве она сама не платила за аренду семь месяцев подряд? Ей всего девятнадцать, но у нее бывали ночи и похуже этой, с гораздо более сильной болью и лихорадкой. Серебристая дорожка луны прекрасна, прекрасна, сказала она себе, надевая ночную рубашку. Вся эта проклятая комната прекрасна, потому

что это ее комната, ее и сестры. Это то, за что она может держаться, даже если потеряла остальное.

Лунный свет выхватил раковину абалона на тумбочке, и розовое с голубым мерцание привлекло внимание Фрэнки. Она провела пальцем по перламутровому краю раковины. Эта изящная штучка приехала издалека, столько всего перенесла и все равно не разбилась.

Как и Фрэнки.

Взбив подушку, словно та была виновата в ее беспокойстве, Фрэнки опять упала на кровать и уснула. Тени удлиннились, сместились и поползли по полу и по мебели. За стеной заскреблась мышь. Вдали послышался крик лисы, а может, волка. Сестры наконец-то дышали в унисон, словно придя к согласию. И все же в сон Фрэнки просочился шелестящий шепот. «Sono qui. Io sono qui per te, Франческа. Я здесь. Я здесь ради тебя».

Конечно же, она слышала не мамин голос, а мой. Потому что мертвые никогда не спят.

У нас так много других дел...

1941 год

«Хранители»

Богоматерь вечной скорби

На «Приют Ангелов-хранителей» падал дождь со снегом, размывая очертания и придавая зданиям схожесть с особняками, подернутыми дымкой, словно с обложки какого-нибудь дешевого готического романа вроде «Капли яда» или «Секретов, которые нельзя хранить». Я, как всегда, пролетела мимо большого здания, где жили старшие дети, напрямиком к Дому малюток. Кроватки там стояли ровными рядами, как могильные камни. Наверное, поэтому меня так влекло к ним, этим маленьким колыбелям жизни. Из-под одеял выглядывали личики младенцев. Новорожденные крепко зажмуривали глаза и, как котята, подрагивали во сне. Они сучили ножками и сосали кулачки, словно те были намазаны медом.

Я по очереди заглянула в каждую кроватку.

«Привет, малыш! — приветствовала я каждого. — Доброе утро, очаровашка!» Как и другие люди, иногда они меня слышали, иногда — нет. Если слышали, то их

губки открывались и закрывались, словно они хотели сказать мне, что голодны. И хотя я не могла испытывать голод так, как они, это ощущение было мне знакомо. Я знала, как это больно. «Скоро, — сказала я им. — Скоро придут монахини, они накормят вас, и голод пройдет».

Не исключено, что это ложь. Но они всего лишь младенцы. Скоро они познают горнило этого мира.

Пройдясь по Дому малютки, я переместилась в другие коттеджи, которые сестры называют общежитиями. Здесь спят дети постарше. Мальчики и девочки живут отдельно, поэтому я навещаю девочек. Шестилеток с прилипшими к потному лбу волосами, десятилеток, запутавшихся в скомканных простынях, как какой-нибудь Гудини, а потом девочек-подростков с кудряшками, намотанными на клочки бумаги, с расслабленными во сне лицами. Я говорю и с ними, рассказываю, как чудесно будут выглядеть их волосы, когда они причешутся; что однажды, скорее, чем они думают, кто-то будет пропускать сквозь пальцы эти локоны, а девочки будут желать, чтобы это никогда не прекращалось, никогда-никогда. Как и младенцы, иногда они меня слышат, но чаще всего — нет. Время от времени какая-нибудь девочка просыпается и смотрит прямо на меня, и мне на секунду кажется, что она меня видит, что я здесь, осязаемая и настоящая, как и все. Затем девочка моргнет и недоуменно нахмурится. Может, потрет виски или посмеется над собой. Позже расскажет подружкам, что слышала, как ночью кто-то бормотал шипящим и щелкающим голосом, словно батарея отопления.

Меня воодушевляло, когда меня слышали. Я приходила поговорить с этой девочкой и следующей ночью, и еще раз. Я дергала под ней простыни, проводила ледяным пальцем по ее руке, щекотала ступни. Монахини

Лора Руби

наверняка начнут спрашивать, почему она сбрасывает одеяла, несмотря на холод, неужели хочет заболеть? И девочка будет клясться, что ничего не сбрасывала, что кто-то все время бормочет и тычет в нее, что здесь водятся дүхи. Монахини поцокают языками и заявят, что нет никаких дүхов, кроме Духа Святого, и это все росказни, чтобы пугать глупых детей.

Но если бы кто-то в приюте проснулся сейчас и увидел в углу свернувшуюся калачиком фигурку, то вознес бы другую молитву, какую говорят, прижав к губам руку тыльной стороной ладони: «Пресвятая Матерь Божья...»

Это была девушка, такая же, как я, но раньше я ее не видела. Она сидела у стены, покачиваясь и постанывая, со слипшимися от крови волосами. Кто знает, откуда она пришла: может, забрела с улицы или поднялась из катакомб под приютом, в которые даже я боюсь заглядывать. Я бы ее спросила, но большинство из нас зависли на своих последних ужасных мгновениях и неспособны общаться ни с чем, кроме собственных боли и страха. И даже те, кто может говорить, дают смутные, загадочные ответы, не удовлетворяющие никого, особенно их самих. Эта причитала ни о чем, ее левая скула и глазница были расколоты, выбитая челюсть висела под неестественным углом, словно она собирается проглотить что-то очень большое и неудобное. Вроде автомобиля.

Я видела и похуже.

Я опять переключила внимание на живых, которые начали одна за другой подниматься с кроватей. Никто из них не слышал стопа в углу, никто не заметил раскачивания и выбитой челюсти. И уж точно не Фрэнки, которая по-прежнему крепко спала — не как мертвая, а как спят полуголодные и недолюбленные. Небо за окном светлело, другие девочки зевали и потягивались, а я стояла у кровати Фрэнки, шестой от двери, и ждала.

Дверь приоткрылась, и вошла сестра Джорджина. Она никогда не задерживалась ни на минуту после пяти утра. Сестра пинком перевернула матрас вместе с Фрэнки.

Девочка сидела среди одеял, и ее сонный взгляд постепенно превращался в сердитый.

Это что-то новенькое: сердитый взгляд.

Сестра сделала два шага к Фрэнки. В своем черном одеянии она была похожа на вампира со страшной картинкой. Другая монахиня пошутила бы: «О, Фрэнки! Я тебя разбудила?», или «Неплохо бы тебе присоединиться к нам в это прекрасное утро!», или «Иисус велит вставать и сиять!» — но не сестра Джорджина. Сестра Джорджина никогда не шутила. И никогда не улыбалась.

Управляющий приютом монашеский орден назывался «Сестры Богоматери вечной скорби», но некоторые монахини в самом деле служили Богоматери вечной скорби, а другие просто повергали в вечную скорбь всех остальных.

— Ты что-то хотела сказать, Франческа? — прорычала сестра.

Глаза Фрэнки говорили за нее — они горели гневом, таким горячим. Но она покачала головой.

— Думаю, что нет. — Сестра Джорджина отошла прочь, высматривая следующую спящую девочку, чтобы сбросить ее с кровати.

Сестра никогда бы не призналась, даже на исповеди, что переворачивать матрасы перед воскресной мессой было ее главной забавой в жизни.

Фрэнки вернула матрас на место, огонь в ее глазах немного остыл. По крайней мере, сестра в хорошем настроении. В плохом она была настоящей фурией. Фрэнки потянула себя за короткие, длиной с фалангу, волосы, торчащие на голове пушком.

Лора Руби

— Они не будут расти быстрее от того, что ты их дергаешь, — сказала Стелла Заффаро с соседней кровати.

Фрэнки на нее даже не глянула.

— Заткнись, тупица.

— Заткнись, тупица, — передразнила Стелла и тряхнула своими волосами, белокурыми и блестящими, как у кинозвезды.

Стелла никогда не позволяла другим девочкам забыть эти волосы и забыть, что ее имя по-итальянски значит «звезда». Фрэнки вполне нравились свои, темные, — по крайней мере, когда они были, — и ее не волновало, что означает имя Стеллы по-итальянски. Зато Стелла не могла отличить бейсбольный мяч от тефтели.

При мысли о тефтелях рот Фрэнки наполнился слюной. Воскресенья существуют именно ради тефтелей. Во всяком случае воскресенья посещений. Можно подумать, что у сирот из «Ангелов-хранителей» нет родителей и вообще никаких родственников, но это не всегда верно. Спустя десять с лишним лет после биржевого краха 1929 года многие люди все еще терпели лишения, безработные, бездомные. Чтобы дети не голодали, их отдавали на попечение монахинь. Чуть-чуть побоев и много богослужений казались малой ценой за пищу и кров — по крайней мере, так внушали себе родители. Некоторые из таких навещали своих «полусирот» каждое второе воскресенье. Отец Фрэнки не пропускал ни одного дня посещений. И то, что он приносил, заставляло Фрэнки чувствовать себя богатой, ощущать себя дочерью, хотя бы пару часов. Сэндвичи с тефтелями, пропитанные густым томатным соусом; спагетти со сливочным маслом, которые были вкусными как горячие, так и холодные; глянцево хрустящие яблоки. Иногда он приносил подарки — только что из-

готоввленные кожаные туфли, такие чистые и новые, что их страшно было обувать. Они казались слишком особенными, чтобы касаться ими земли. Иногда отец набивал свои карманы леденцами или даже шоколадками в обертках. Или прятал приношения за спиной, чтобы Фрэнки, ее сестра Тони и брат Вито боролись за них, но только Тони была достаточно мала для подобных забав. Фрэнки так и ощущала вкус шоколада, тающего на языке.

Я тоже почти ощущала этот вкус.

— Чему ты улыбаешься? — спросила у Фрэнки Стелла.

— Ты еще здесь? Я думала, ты уже сбежала в Голливуд.

Фрэнки протиснулась мимо нее и пошла за другими девочками в ванную.

Ванная была огромным помещением с шестью унитазами, восемью раковинами, душами, ванной, которой никто не пользовался, и шкафчиками для «личных вещей». Забавно, потому что у девочек было мало вещей и среди них — ни одной личной. Но им следовало быть благодарными за ванную, потому что многие люди по-прежнему жили с удобствами во дворе. Фрэнки нравились водопровод с канализацией, но она не любила убирать здесь. Коленки всегда болели от мусора, впивающегося в кожу, когда она мыла пол, а руки становились грубыми и покрывались трещинами из-за едкого коричневого мыла.

Однажды Фрэнки попросила отца принести ей крем для рук, и он принес: в тяжелой баночке, лучший сорт, с ароматом розы. Девочку дразнил весь коттедж: говорили, что она задается и ведет себя как принцесса.

— О, посмотрите на Фрэнки! Фрэнки, где твои шелковые чулки? Где твое бальное платье?

Лора Руби

Стелла цеплялась больше всех, поэтому Фрэнки тайком пронесла крем на ужин и положила толстый белый шарик на пирожное. Сказала Стелле, что отец принес это для нее. Стелла была так голодна, что съела два больших куска, прежде чем поняла, что натворила Фрэнки.

Я приходила в приют всегда, сколько помнила, но, когда увидела, что Фрэнки накладывает на пирожное крем для рук и предлагает его Стелле, начала наблюдать за Фрэнки, по-настоящему наблюдать. Мне нравилось думать, что эта ее шалость — не настолько унижительная, чтобы быть жестокой, но достаточно жестокая, чтобы быть забавной. Так сделала бы и я, когда была еще реальной и могла бороться. Такой маленький, безобидный протест.

Но, как часто повторяла моя мама, я только казалась безобидной. «Беда с этими девочками, — говорила она. — Они каждый раз обводят тебя вокруг пальца».

В тот момент Фрэнки была безобидной. Ее не интересовали имя Стеллы и ее светлые волосы. Она не думала и о собственных волосах, о том, что ее смуглая кожа заставляла монахинь ворчать насчет крови ее матери, и о том, почему никто не предостерегал ее насчет пребывания на солнце, как предупреждали Стеллу. Она даже не думала о приюте как о месте, где для многих людей жизнь казалась печальной и ужасной, поскольку понимала: могло быть и хуже.

Вместо этого Фрэнки толкалась у раковины с другими девочками, стараясь освободить себе немного места, чтобы умыться. Она вытерлась полотенцем, думая о том, что скажет днем отец. Монахини сообщили, что у него есть какие-то важные новости для Фрэнки, ее сестры и брата. В их жизнях может что-то измениться. Фрэнки в этом сомневалась. Помимо тефтелей, отец обожал драматический эффект. Однажды он объявил о переезде на

новую квартиру таким тоном, будто заселялся во французский замок.

(Чего ему не нужно было объявлять, так это того, что в новой квартире нет места для детей и им не следует об этом спрашивать.)

Фрэнки не возлагала на отца ожиданий: насколько она знала, отцы не особо надежны. Все, на что Фрэнки могла надеяться, так это что он не приведет с собой опять эту... как ее? Воскресные посещения были не такими, как надо, если приходила она. Когда отец брал ее с собой, он никогда не приносил ни туфель, ни шоколада. Она делала его мелочным, превращала в совершенно другого человека.

Фрэнки чистила зубы, надавливая на щетку так сильно, что становилось больно. Кто вообще захочет о *ней* думать? Да никто. Может, о ней не думают даже собственные дети, которые живут в этом же приюте, в других коттеджах. Фрэнки не знала их имен, не знала, как они выглядят, и надеялась, что никогда не узнает.

— Сникерсы, — прошипели девочки в холле. И тут же по всему коттеджу воспитанницы стали передавать по цепочке: — Сникерсы, сникерсы, сникерсы.

«Монахини возвращаются, заткнитесь, пошевеливайтесь».

Не успела Фрэнки натянуть воскресное платье и пальто, как сестра Джорджина жестом велела им идти. Коттедж на самом деле был не отдельным строением, а большим помещением, выходящим в обширный коридор. Девочки из других коттеджей строем маршировали по холлу, и их шаги разносились так громко, что казалось, будто такой же ряд девочек марширует по потолку. В приюте были и мальчики, но их коттеджи располагались в другом здании. Девочки виделись с мальчиками только в церкви через проход. Подстриженную как

Лора Руби

овцу, Фрэнки не радовала мысль столкнуться с мальчиками — разве что со старшим братом Вито. Она с ним почти не встречалась. Даже братьев и сестер в приюте держали отдельно.

Сестра Джорджина во главе строя открыла дверь на улицу. Девочки побрели к церкви, опустив головы и держа рты на замке. Шел сильный дождь со снегом, и они пытались прикрыть волосы. На минуту Фрэнки даже обрадовалась, что у нее нет волос. А потом увидела мальчиков, которые тоже шли к церкви, смеясь и показывая на нее, и радость тут же улетучилась. В октябре 1941 года Фрэнки было четырнадцать. Очень юный возраст, как могло кому-то показаться, — но только не для людей, стоящих на пороге новой войны, не для сирот, не для Фрэнки. Ей было всего на три года меньше, чем мне. Чем мне сейчас... Чем мне было...

В общем, совсем не весело, когда мальчики смеются над тем, что ты не можешь исправить, над тем, что с тобой сделали. Особенно если среди них нет твоего брата, а некоторых даже можно назвать симпатичными.

Добравшись до церкви, дети заняли свои привычные места. Пришел не весь приют, а только те коттеджи, которые исповедовались в это воскресенье. Сироты по одному заходили в исповедальню. Большинство сразу же выходили, бормоча «Аве, Мария» и «Отче наш», чтобы покаяться в грехах, совершенных делами и в мыслях. Несколько человек задержались подольше.

«Бедный отец», — подумала Фрэнки, надеясь, что он выпил утром кофе.

Фрэнки и другие девочки еще ничего не ели. Они позавтракают только после утренней мессы, то есть по меньшей мере через полтора часа. Направившись к исповедальне, Фрэнки прижала руку к бурлящему животу. Усевшись внутри, она задержала за собой занавеску.